

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ СЕГОДНЯ

Ю. В. Бромлей

К РАЗРАБОТКЕ ПОНЯТИЙНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ*

В современной ситуации в сфере межнациональных отношений главное внимание ученых, а тем более практиков, естественно оказалось сосредоточенным на решении накопившихся конкретных проблем: от развития республиканской экономики и совершенствования федеративного устройства до языковых вопросов и обеспечения специфических потребностей национальных групп, а также отдельных очагов межнациональных конфликтов. В то же время несколько в тени оказались общетеоретические аспекты самой национальной проблематики, а на их освещении, как известно, особенно сказался застой, и он до сих пор дает о себе знать.

Поэтому задача совершенствования национальных отношений требует предварительного рассмотрения некоторых теоретических вопросов, выработки новых подходов к национальной проблематике.

В данной связи нельзя не вспомнить предупреждение В. И. Ленина о том, что тот, «...кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя „натывать“ на эти вопросы»¹.

А таким общим вопросом для любой отрасли знания является прежде всего определение ее объектно-предметной зоны. Это же в нашем случае, в свою очередь, во многом зависит от выделения основных субъектов национальных отношений². Специальное обращение к данному, казалось бы, достаточно очевидному вопросу приобретает ныне тем большее значение, что в последнее время наметился явно упрощенный подход к нему. Это, в частности, проявилось, на мой взгляд, особенно наглядно в нигилистическом отношении к терминам «нация» и «народность», а то и просто использованию слова «нация» на англоязычный лад, т. е. как «совокупность граждан одного государства». При этом для обозначения групповых субъектов национальных отношений предлагается ограничиться обобщающими, как бы нейтральными терминами, к каковым относят в данной связи слово «народ», а иногда и «национальность»³.

Термины обобщающего характера, охватывающие все разновидности субъектов национальных отношений, несомненно, нужны. И слово «народ» обывденного русского языка в том значении, которое оно (подобно английскому языку) имеет во множественном числе, как известно, широко употребляется для обозначения субъектов этих отношений. Не случайно первый декрет Советской власти по национальному вопросу именовался «Декларация прав народов России». Кстати сказать, в нем тем самым подразумевалось, что носителями национальных прав являются все народы, как большие, так и малочисленные, как компактные, так и дисперсно расселенные. И это непременно следует иметь в виду, обеспечивая равноправие всех субъектов национальных отношений в нашей стране.

Используя слово «народ» для обозначения субъектов национальных отношений, не приходится, однако, забывать, что это слово весьма многозначно. Чтобы не приводить расхожих примеров, отмечу лишь, что если бы от него производилось название рассматриваемых в данном случае отношений, то пришлось бы их именовать не «межнациональными», а «международными». А подобная

* В основу статьи положен доклад, прочитанный 27 июня 1989 г. на сессии Межведомственного научного совета по изучению национальных процессов при Секции общественных наук Президиума АН СССР по теме «Межнациональные отношения: политика и культура».

многозначность слова «народ» отнюдь не нейтральна. Так, встречаясь с формулой «народ Латвии», мы не можем точно сказать, имеется ли в данном случае в виду все население республики или только латыши. Многозначностью слова «народ» во многом объясняется тот факт, что для обозначения субъектов национальных отношений наряду со словом «народ» мы имеем целое, как говорят лингвисты, «семантическое гнездо» терминов: «нация», «национальность», «народность», «национальная группа», а в последнее время к этому перечню все настойчивее стала прибавляться и этническая терминология.

К сожалению, в отличие от естественных наук в обществоведении, в том числе и при обозначении субъектов национальных отношений, терминология складывалась (за исключением, пожалуй, ее этнического варианта) довольно стихийно и во многом (особенно в период становления) предопределялась тем или иным употреблением используемых слов в обыденном языке, в котором к тому же они толковались нередко довольно расплывчато. Характерно, что первоначально в русскоязычной литературе такие слова, как «нация», «национальность», «народность», употреблялись просто как синонимы, в чем легко убедиться, заглянув в толковые словари русского языка XIX—начала XX в.⁴ Это, кстати сказать, нашло отражение и в словаре произведений В. И. Ленина (особенно дореволюционных). Однако постепенно вся эта терминология стала приобретать более дифференцированный характер.

Определенная «специализация», в частности, закрепились за словом «национальность», у которого имеются в интересующей нас связи определенные преимущества по сравнению со словом «народ»: оно не столь полисемантично, а во множественном числе вообще подразумевает только групповые субъекты национальных отношений. Не случайно этот термин получил широкое распространение в партийных документах первых лет Советской власти⁵. При этом под словом «национальность» подразумевается совокупность всех лиц одной национальности или, употребляя международную терминологию, одной этнической принадлежности, независимо от того, на какой территории они проживают. Например, все украинцы, где бы они ни жили: в СССР, в Чехословакии, в Канаде, в США и т. д. Иначе говоря, перед нами общность, которую ныне в этнографической научной литературе обычно именуют собственно этнической, т. е. объединяющая людей, имеющих специфические этнические (национальные) черты культуры и психики, а также общее самосознание и самоназвание.

Правда, это определение национальности в известном смысле устарело. Оно имеет дескриптивный характер. Между тем современный уровень научных знаний уже давно требует системно-аналитического подхода, т. е. прежде всего раскрытия внутренних связей обозначаемого этим термином явления. При таком подходе «национальность» можно было бы определить примерно следующим образом: это исторически сложившаяся межпоколенная общность людей, объединяемых системой коммуникативных и сигнификативных связей. При этом коммуникативные связи (как синхронные, так и диахронные) обеспечиваются в первую очередь языком⁶, сигнификативные же — главным образом культурой, а также психикой⁷, характерные черты которых служат основанием для идентификации членов каждой такой общности (самосознания), что получает внешнее выражение в ее самоназвании (эндоэтнониме).

Впрочем, суть явления, обозначаемого термином «национальность», и при том и другом определении не меняется (территориальная общность не является обязательной), о чем свидетельствуют приведенные выше конкретные примеры. Между тем такое понимание сути данного термина имеет немалое практическое значение при его использовании для обозначения субъектов национальных отношений. В частности, учет данного обстоятельства предполагает, что в Совет Национальностей Верховного Совета СССР должны быть делегированы представители не 53 национально-территориальных образований (в этом случае перед нами фактически Совет республик), а представители всех народов, населяющих нашу страну. Налицо явный парадокс: народы численностью намного менее

1 млн. человек непременно будут иметь (в соответствии с ротацией) своих представителей в Совете Национальностей, а представители таких народов, как, скажем, 2 млн. немцев или 1,100 тыс. поляков, вообще не могут оказаться в этой палате Верховного Совета.

Признание правомерности употребления термина «национальность» в указанном значении однако отнюдь не означает, что нет необходимости в других терминах для обозначения субъектов национальных отношений. В частности, это не значит, что вообще следует изъять из обихода такие термины, как «нация» и «народность», подвергающиеся наибольшим атакам.

Как известно, чем глубже наука проникает в объект своего исследования, тем в меньшей мере она может обойтись лишь «родовыми» понятиями, тем неизбежнее употребление «видовых», частных понятий; об этом убедительно свидетельствует развитие естественных наук, в которых открытие каждого нового явления в ходе проникновения в глубь материи сопровождается возникновением новых терминов. А нам в области изучения национальных явлений предлагают идти вспять — отказаться от таких уже вошедших в обиход «видовых» понятий, как «нация» и «народность».

Иное дело, как трактовать сами эти понятия, какое содержание вкладывать в соответствующие термины. Прежде всего это относится к термину «нация», основные вехи изучения которого весьма показательны⁸. Как известно⁹, этот термин восходит к латинскому nasci, что означает «рождаться»; первоначально латинское patio понималось как «род», «племя», «народ», т. е. оно имело преимущественно этническую окраску. В средневековой латыни слово «нация» в основном сохраняет этот характер, хотя подчас оно и употребляется для обозначения отдельных социальных групп (например, знати, купечества, студенческих корпораций).

Получив со временем распространение в других европейских языках, рассматриваемое слово постепенно приобретает также государственно-политический смысл (совокупность граждан). Это особенно наглядно проявилось во время Французской буржуазной революции, когда термин «нация» стал использоваться для обозначения всего населения Франции. Подобное этакстистское (от франц. état — государство) значение слова «нация» с тех пор становится преобладающим во французском, а затем и в английском языке. В немецком же и в русском, как и в большинстве языков других восточноевропейских народов, преобладающим осталось первоначальное этническое значение этого слова¹⁰. Впрочем, и в них, как и почти во всех других европейских языках, как исключение, проявляется двойственное (этакстистское и этническое) толкование «нации». Например, в русском языке в этакстистском смысле оно употребляется тогда, когда речь идет об ООН.)

В ходе включения термина «нация» в европейские языки многие исследователи (в соответствии с той или иной его трактовкой) уже давно отмечали различные черты, характерные, по их мнению, для обозначаемых им общностей. При этом чаще всего акцентировались наиболее очевидные культурно-психологические признаки таких общностей (дух, воля, самосознание, национальное чувство, психический склад и т. п.). Но наряду с таким односторонним подчеркиванием субъективных сторон нередко отмечались и объективные свойства наций. Например, еще в середине XIX в. итальянский социолог и правовед Паскуаль Маннини в числе признаков нации отмечал общность территории, происхождения, языка, законов и т. д.¹¹

Территорию и язык как признаки нации в начале века называл К. Каутский¹². Примерно в то же время немецкий географ Кирхгоф указывал на экономические основы образования наций¹³. Не раз отмечалось, что еще в своих дореволюционных работах В. И. Ленин выделял ряд факторов, необходимых для возникновения наций и их функционирования: прежде всего территорию, экономику, язык.

Подобные примеры легко можно было бы продолжить. Но и приведенных достаточно, чтобы убедиться, что известное определение И. В. Сталина

нации, приведенное им в статье 1913 г.¹⁵, далеко не оригинально. Нетрудно заметить, что оно соединяет ряд, так сказать, объективных признаков нации (общности языка, территории, экономической жизни) с характерными для австро-марксизма того времени культурно-психологическими факторами (психическим складом, проявляющимся в общности культуры)¹⁶. Одним словом, не следует абсолютизировать оригинальность этого определения «нации».

Вместе с тем определение нации, данное в свое время И. В. Сталиным, давно устарело. Оно, как это было отмечено еще в дискуссии конца 60-х годов на страницах «Вопросов истории», недостаточно полно, ибо требует учета того, что неперменным свойством подобных общностей является наличие у них определенной социальной структуры и самосознания (в том числе самоназвания)¹⁷.

Подобно характерному для прошлого определению термина «национальность» устарела рассматриваемая дефиниция «нация» и в том отношении, что она имеет дескриптивный характер. Кстати, подходя к проблеме с системно-аналитических позиций, представляется существенным подчеркнуть, что в нации присущие соответствующей национальности коммуникативные и сигнификативные связи усиливаются территориальными, экономическими, а нередко и политическими связями.

Необходимость подобных уточнений, однако, не дает оснований для того, чтобы вообще отрицать сам факт существования совокупности людей, которые, обладая характерными собственно этническими (национально-специфическими) коммуникативными и сигнификативными свойствами, функционируют в рамках определенной территориально-политической единицы, а стало быть, имеют общие социально-экономические черты (хотя могут и не иметь «своего» государства). Подобные образования — реальность. Таковы, например, итальянцы в Италии, грузины в Грузии, латыши в Латвии, венгры в Венгрии, кубинцы на Кубе и т. д. Все это общности, которые в нашей научной литературе в последнее время все чаще именуют социально-этническими или этносоциальными. Наличие у таких общностей однотипной социальной структуры предопределяет их историко-стадиальный тип, формационную принадлежность: буржуазную или социалистическую. При этом, как подчеркивал В. И. Ленин, нация возникает лишь с развитием буржуазных связей¹⁸, и вряд ли это вошедшее в наш научный обиход представление следует пересматривать, распространяя термин «нация» на докапиталистические общества. Вряд ли следует игнорировать и введенное В. И. Лениным в марксизм понятие «социалистическая нация»¹⁹. Иное дело решение конкретного вопроса, является ли та или иная нация социалистической. Но это уже во многом зависит от трактовки самого понятия «социалистический».

Нетрудно заметить, что отрицание реальности существования такой особой разновидности субъектов национальных отношений, какую представляют собой нации в качестве этносоциальных образований, отнюдь не безразлично для самой практики этих отношений. В частности, вольно или невольно такой подход оставляет в тени особо тесную связь собственно этнических факторов с социально-экономическими в тех случаях, когда речь идет о компактном проживании основной части этноса в рамках одной территории (тем более, если последняя имеет национально-территориальный статус). А о том, сколь значима такая взаимосвязь, весьма наглядно, к примеру, свидетельствуют дискуссии последнего времени вокруг проблемы экономического суверенитета республик.

Наибольшим атакам в последнее время подвергается термин «народность». К тому же обращается внимание на то, что термин «народность» употребляется в слишком широком формационном диапазоне: от рабовладельческого до социалистического обществ. Но, во-первых, можно ввести новые термины для «формационного» разграничения народностей как этносоциальных общностей²⁰. Во-вторых, относительно разграничения наций и народностей в современном мире в нашей литературе уже не раз отмечалось, что в отличие от первых вторые не обладают собственной промышленностью и соответственно у них невелика доля рабочего класса²¹.

Есть у народностей еще одна отличительная черта — специфический характер их культурно-информационных связей. Обращено внимание на то, что народности нового и новейшего времени — это этнические общности, у которых внутренние инфосвязи слабее, чем нити, связывающие каждую из таких общностей с ассоциированной с ней крупной нацией. Другими словами, народность этого типа существует, как правило, только во взаимосвязи с крупной нацией: уэльсская народность — во взаимосвязи с английской нацией, чукотская — во взаимосвязи с русской. Для такого рода народностей характерна широкая распространенность двуязычия, грамотности не только и даже иногда не столько на родном языке, сколько на языке связанной с ней нации²². К тому же современные народности, не имеющие собственной промышленности, как бы ассоциированы с крупными нациями в экономическом отношении²³.

Не случайно именно спецификой социоэкономических параметров народностей во многом предопределяется все настойчивее поднимаемое общественностью требование особо внимательного отношения к их социокультурным традиционным потребностям.

Вместе с тем, как уже говорилось, существенно иметь в виду, что термины «нация» и «народность» не охватывают всех людей одной национальной принадлежности. Ведь наряду с компактно расселенной основной массой лиц одной национальной принадлежности в рамках определенных территориально-политических образований обычно имеются их представители, проживающие за пределами этих образований, а также вообще не имеющие таковых. Иначе говоря, речь идет о национальных группах. В нашей стране, где все республики многонациональны, такие группы, как известно, составляют сейчас уже около 60 млн. человек, т. е. больше, чем население Франции или Англии. Соответственно, когда общая национальная структура страны характеризуется формулой «нации и народности», оказываются «забытыми» все национальные группы, т. е. примерно 1/5 часть населения страны. Между тем именно наличие этих групп в республиках прежде всего и определяет конкретные межнациональные отношения в стране. Не случайно в наших официальных документах все чаще для характеристики национальной структуры страны в целом начинает употребляться формула «нации, народности и национальные группы»²⁴.

При всей значимости для анализа национальных явлений триады «нации, народности и национальные группы» все же этой триады, да и в целом национальной терминологии оказывается недостаточно для раскрытия всей чрезвычайной сложности такого рода явлений. На современном уровне развития наших знаний, касающихся этой сферы жизни общества, представляется невозможным игнорировать этническую терминологию. Обо всем этом не раз уже приходилось писать, в том числе и на страницах «Советской этнографии». Однако до сих пор не перестают высказываться (даже на ее страницах) в данной связи те или иные сомнения. В частности, недавно было замечено, что над нашими теоретическими построениями в этнографической науке призывает задуматься такой «сигнал», как замечание редактора «Current Anthropology» А. Купера, что «...теория этноса по странной иронии сохраняется сегодня только в антропологических департаментах Москвы и Претории»²⁵. Не берусь судить относительно ситуации в Претории, но что касается Москвы, то здесь все достаточно ясно. А Купер отождествил (что, впрочем, ему простительно, поскольку это случается и с нашими специалистами) «антропологию» в том значении этого термина, которое характерно для англоязычных стран, и «этнографию», которая в нашей отечественной традиции отнюдь не тождественна «антропологии». Ведь в отличие от антропологии во всех ее ипостасях (как социально-культурной, так и физической) основным объектом этнографии в нашей стране издавна принято считать народы, т. е. этносы, а не человека²⁶. И сожаления по поводу «сигнала» Купера представляются тем более странными, что они сочетаются с характеристикой этнографии как профилирующей науки в изучении этнической проблематики, разработке теории национального вопроса (см.: *Тишков В. А. О новых подходах...* С. 6—7).

Правда, до сих пор, как известно, среди наших этнографов в определении этноса имеются некоторые расхождения²⁷, однако все они, да и большинство обществоведов рассматривают этот феномен как одну из разновидностей социальных общностей, сочетающих определенные объективные и субъективные черты. Это, с одной стороны, существующие независимо от осознания людей характерные в своей совокупности для каждого данного этноса коммуникативные и сигнификативные свойства культуры в широком значении слова (включая язык), а также психики, с другой — осознание его членами своеобразия этих свойств, их отличия от аналогичных свойств остальных подобных общностей и на данной основе — этническая самоидентификация такой группы людей²⁸.

Не случайно поэтому этнический понятийно-терминологический аппарат широко распространился за пределы этнографической науки, где он в основном и сформировался. Но при этом, к сожалению, не обходится без путаницы. Подчас все еще можно встретить представления об этническом как о чем-то весьма архаическом, относящемся к весьма небольшим группам людей. Более того, этническое противопоставляется национальному, что, несомненно, восходит к известному замечанию Сталина, согласно которому нация в отличие от племени — историческая общность.

Различные аспекты теории этноса в последнее время стали все шире обсуждаться на встречах советских этнографов с их зарубежными коллегами. Обычно такие обсуждения отличает взаимная корректность. Но, к сожалению, не всегда. В частности, во время конференции «Национальная идентичность в новое и новейшее время в России, Советском Союзе и Восточной Европе» (Лондон, март—апрель 1989 г.) представитель ЮАР П. Скальник попытался представить построения советских этнографов, в том числе автора данных строк, по теории этноса как чуть ли не простое воспроизводство взглядов по этому вопросу С. М. Широкогорова. Между тем это не соответствует действительности. Во-первых, никто из советских этнографов в отличие от С. М. Широкогорова не рассматривает этнос как биологическую систему; во-вторых, если наши специалисты уже давно подчеркивают значимость этнического самосознания, то у С. М. Широкогорова этот неперенный признак этноса вообще отсутствует (он ограничивается лишь указанием на такой компонент самосознания, как наличие у членов этноса общего представления о своем едином происхождении); в-третьих, культура, рассматриваемая большинством современных исследователей, занимающихся теорией этноса, в качестве важнейшего его признака, сводится С. М. Широкогоровым лишь к обычаям и укладу жизни; в-четвертых, особенности психического склада членов этноса как его признака у этого автора вообще отсутствуют; в-пятых, у него нет деления этносов на собственно этнические и этносоциальные общности; в-шестых, отсутствует выделение этнических общностей различного уровня и т. д.²⁹

Близкая ко взглядам С. М. Широкогорова по своей основополагающей посылке точка зрения на этнос, как известно, развивается в нашей литературе Л. Н. Гумилевым. По его мнению, этнос — популяция, т. е. биологическая единица³⁰, «феномен природы»³¹. Впрочем, подчас Л. Н. Гумилев пытается занять «промежуточную позицию», заявляя, что этнос ни социальная, ни биологическая величина³². Однако ведь помимо этих двух форм движения материи, как известно, есть только неорганическая, но не к ней же причислять этносы-народы (?!). Иногда, правда, Л. Н. Гумилев все же признает роль социальных факторов для функционирования этнических общностей³³, однако такое признание имеет явно формальный характер. Весьма показательным в этом отношении утверждение Л. Н. Гумилева, что все попытки истолковать феномен этноса «через социальные законы развития общества приводят к абсурду»³⁴. Интересно в рассматриваемой связи признание автора предисловия к недавно вышедшей книге Л. Н. Гумилева «Этнос и биосфера земли» Р. Ф. Итса, подчеркнувшего, что в результате ознакомления с ней «мы так и не уяснили себе, что такое этнос по Л. Н. Гумилеву»³⁵.

Не может не вызвать возражений и развиваемая Л. Н. Гумилевым концепция пассионариев, основанная на биологической трактовке сущности этноса. По его мнению, в жизни народов-этносов особую роль играют пассионарии — люди, обладающие повышенной способностью поглощать энергию из окружающей среды; в отличие от них субпассионарии — лица, абсорбирующие «меньше энергии, чем это требуется для уравнивания потребностей инстинкта»³⁶. При этом пассионарность — результат мутаций, передаваемых генетически. Казалось бы, автор «перебросил мост» между социальными явлениями и природной средой. Однако вопрос не столь прост. Наиболее наглядно это проявилось в самом делении народов-этносов на тех, у которых преобладают пассионарии, и тех, для которых характерна субпассионарность. К последним Л. Н. Гумилев относит так называемые отсталые народы, например андаманцев, обреченных, по его словам, на вымирание³⁷. В результате оказывается, что такая их обреченность обусловлена не социальными, а биологическими (генетическими) факторами, т. е. фатальна. Иначе говоря, перед нами деление народов на избранных (пассионарных) и обреченных (субпассионарных), полноценность или неполноценность которых предопределена их врожденными биологическими свойствами³⁸. В том, что подобное деление этносов для Л. Н. Гумилева не случайно, убеждает и недавнее его утверждение, что в результате подлинного (?) этногенеза возникает «новый полноценный этнос»³⁹.

Особо следует отметить, что, претендуя на междисциплинарный подход к проблеме этноса, Л. Н. Гумилев широко апеллирует к авторитету выдающихся естествоиспытателей. Как известно, соответствующие ссылки в научных работах дело обычное. Но вместе с тем не следует забывать, что когда речь идет о статьях, ориентированных на широкий круг читателей, такого рода обращения к авторитетам оказывают особенно сильное воздействие на неспециалистов, немногие из которых, разумеется, обратятся к первоисточнику. Между тем это крайне необходимо. Так, в конце недавней публикации в «Вопросах философии» Л. Н. Гумилев утверждает, будто «связь этногенных процессов, идущих на популяционном уровне, установлена В. И. Вернадским как первый биохимический принцип»⁴⁰. Однако в действительности, характеризуя этот принцип, согласно которому «биогенная миграция атомов химических элементов в биосфере всегда стремится к максимальному своему проявлению»⁴¹, В. И. Вернадский даже не упоминает ни об этногенезе, ни вообще об этносах или каких-либо этнических проблемах⁴². Подобным же образом отсутствует у В. И. Вернадского, несмотря на намеки Л. Н. Гумилева⁴³, и понятие «пассионарность».

К чему в конечном счете ведет подобная, мягко говоря, упрощенная экстраполяция на человеческое общество законов естествознания наглядно свидетельствует предложение Л. Н. Гумилева считать положительным импульсом сознания «только безудержный эгоизм»⁴⁴.

В последнее время, впрочем, появилась еще одна опасность в трактовке термина «этнос» и производных от него терминов — настолько «вольная», а главное неопределенная их интерпретация, что утрачивается вообще всякий смысл в их использовании. Таково, на мой взгляд, определение «этничности», считающее, что она «функционально есть установка на поиск такой референтной группы, отождествление с которой не составило бы труда и помогло бы избавиться от опыта поражения»⁴⁵. Но ведь в роли такой референтной группы может оказаться и партия, и религиозная группа, и мафия и т. д.

«Родовой» характер этнической терминологии по сравнению с национальной проявляется не только в том, что она охватывает все типы этносов от первобытности до современности (как собственно этнические, так и этносоциальные)⁴⁶, но и в том, что она имеет в виду иерархическую систему, которая наряду с этническими подразделениями основного уровня (племенами, народностями, а также национальными или этническими группами) включает еще, как известно, два уровня в этнической структуре человечества: субэтнический и метаэтнический.

И это, казалось бы, абстрактное деление далеко не безразлично для современной практики в сфере национальных отношений. Оно важно не только для идеологии, но может послужить также основанием для принятия решений по ряду вопросов административно-территориального устройства страны, о создании национальных районных и сельских Советов, для оценки требований национальных движений. Ведь, в частности, представление об иерархичности этнических общностей весьма существенно для определения числа национальностей, населяющих нашу страну. Дело в том, что в прошлом (нередко под давлением местных руководителей) имела место тенденция некоторые этносы-народы представить как субэтнические (этнографические) группы или просто игнорировать их существование. Так, например, еще совсем недавно талыши включались в состав азербайджанцев, крымские татары — в состав татар, энцы — в состав ненцев, ливы — в состав латышей и т. д. Учитывая необходимость соответствующих поправок, нами предложено считать, что народов в СССР сейчас насчитывается свыше 120, а общее число самостоятельных этнических образований (включая национальные группы, представляющие части народов, основной массив которых находится за рубежом) составит около 140⁴⁷.

Следует вместе с тем отметить, что в вопросе об этнонациональной структуре страны в последнее время обнаружилась и другая крайность. А именно: стремление рассматривать некоторые субэтносы в качестве этносов-народов. Скажем, такие субэтносы татар, как тептяри и мишари, пытаются представить в качестве отдельных этносов-народов; другой пример — попытка рассматривать латгальцев не как субэтнос латышей, а в качестве самостоятельного этноса-народа. Более того, даже ставится вопрос о том, чтобы чуть ли не каждое групповое самоназвание этнического характера рассматривать в качестве свидетельства существования самостоятельного этноса. Между тем при таком подходе число самостоятельных народов страны может дойти до нескольких сотен. Представляется достаточно очевидным, что в данном случае явно игнорируются этноконсолидационные процессы, не только происходящие в наше время, но и имевшие место еще в дореволюционные годы. (Напомним, что перепись 1926 г. предусматривала фиксацию 194 народностей, а на самом деле оказалось на два-три десятка меньше.)

Совершенно очевидно, что взаимодействие всех этих многообразных субъектов национальных (этнических) отношений и составляет суть этих отношений; причем имеется в виду, что такое взаимодействие протекает не только на групповом, в том числе институциональном, но и личностном уровне. Кстати, изучение последнего представляется весьма существенным, ибо этот уровень, имеющий важнейшее значение для национальной жизни, долгое время оставался в тени. Особое значение приобретает вместе с тем изучение такой получившей в условиях перестройки широкое распространение формы проявления массовой национальной активности, как национальные движения.

Вообще следует заметить, что национальные явления, национальная жизнь далеко не сводятся к различным формам проявления национальных отношений. Ведь при таком подходе акцент невольно делается на синхронных, нередко ситуационных межнациональных (межэтнических) связях. В силу этого получившая у нас широкое распространение тенденция фактической подмены понятием «национальные отношения» всего комплекса национальных (этнических) явлений отнюдь не способствует рассмотрению этих явлений с позиций историзма, т. е. не как чего-то навечно застывшего, а развивающегося. И хотя национальным (этническим) явлениям присуща большая устойчивость, чем многим другим компонентам жизни общества, однако они тоже изменяются. Поэтому в данной связи предпочтительнее понятие «национальные (этнические) процессы». Оно более емко, а главное подразумевает динамику национальных общностей, включая не только их взаимодействие, но и внутреннее развитие каждой из них. И, наконец, не случайно сейчас, когда мы стремимся придать больший динамизм нашему обществу, понятие «национальные (этнические) процессы» стало все более входить в научный обиход.

Главное в национальных процессах, конечно,— изменение их основных параметров. При этом если имеется в виду динамика национальностей, то речь идет почти исключительно об изменении собственно этнических свойств, если же нации, то и социально-экономических.

Вместе с тем необходимо учитывать как демографическую, так и территориально-пространственную динамику национальных общностей. Последнее особенно важно для наций. Дело в том, что в современных условиях в результате роста этнонациональной мозаичности усиливается этническая дискретность наций, их пространственная прерывистость. А это не может не сказаться и на характере экономических связей нации, объединяющих теперь не только ее членов, но и представителей других этносов, проживающих на соответствующей территории. Последнее обстоятельство наряду с некоторыми другими факторами (выравнивание социальной структуры соседних общностей, развитие межрегиональных экономических связей)⁴⁸ ведет к превращению наций в национальности. Между тем на этом основании подчас делается заключение, что такие признаки нации, как территориальная и экономическая общность, не имеют к ней отношения. Но в том-то и суть, что в подобных случаях, строго говоря, имеются в виду уже нации, превращающиеся в национальности. Другое дело, что это нередко порождает стремление затормозить данный процесс, что может проявляться в разных формах, в том числе в форме массовых национальных движений.

Наряду со всеми разновидностями национальных (этнических) общностей в нашей стране существенная роль в национальных процессах, как и в национальных отношениях, принадлежит различным национально-политическим образованиям. Именно такого рода образования и являются основными субъектами федеративных отношений, правда, роль в них разных категорий этих образований (союзная республика, автономная республика, автономная область и автономный округ) далеко не одинакова.

В данной связи представляется небезынтересным вернуться к истории возникновения в нашей стране федеративной системы. Особое значение при этом, естественно, приобретает обращение к ленинскому наследию, ибо роль В. И. Ленина в создании многонационального государства была исключительно велика.

Как известно, первоначально В. И. Ленин был сторонником унитарного государства. Так, в период первой мировой войны он писал: «...Пока и поскольку разные нации составляют единое государство, марксисты ни в каком случае не будут проповедывать ни федеративного принципа, ни децентрализации»⁴⁹. Вместе с тем он допускал, что конкретно-историческая обстановка может вызвать необходимость реализации федеративного принципа государственного устройства⁵⁰. В 1917 г., когда все более очевидным становилась значимость соединения революционной борьбы пролетариата с национально-освободительным движением, партия изменяет свое отношение к федерации. И уже написанная В. И. Лениным и принятая III Всероссийским съездом Советов в январе 1918 г. «Декларация прав трудящихся и эксплуатируемого народа» провозглашала, что «Советская Российская Республика учреждается на основе свободного союза свободных наций как федерация Советских национальных республик»⁵¹. При этом на основе решений съезда было разработано положение о советской автономии, а весной 1918 г. была уже создана первая национальная автономия — Туркестанская Автономная Советская Социалистическая Республика. Нельзя при этом не заметить, что первая автономия была создана не «внутри» России (как, например, впоследствии Башкирия и Татария), а на ее окраине. Это построение федерации на основе принципов автономии получило отражение в Конституции РСФСР, принятой в июле 1918 г. В этом документе, в подготовке которого на завершающем этапе активное участие принял В. И. Ленин, говорилось: «Советы областей, отличающихся особым бытом и национальным составом, могут объединиться в автономные областные союзы», которые «входят на началах федерации в Российскую Советскую Федеративную Социалистическую Республику»⁵². Одним словом, первоначальная модель создания советской федерации предусматривала в качестве основной ее единицы «автономные областные союзы».

Однако постепенно становилась все более очевидной опасность распада России в результате немецкой оккупации, контрреволюции и иностранной интервенции. В частности, существенно изменилась ситуация в результате создания командованием германских оккупационных войск марионеточных «правительств» на Украине, в Литве, Латвии, Эстонии. В конце 1918 и начале 1919 г. наряду с РСФСР и при ее помощи была восстановлена Украинская и вновь образовались Эстонская, Литовская, Белорусская и Латвийская советские республики, а в 1920 — начале 1921 г. такие республики были созданы в Азербайджане, Армении, Грузии. В этих условиях у Ленина и зарождается весной 1919 г. мысль о создании федеративного объединения государств, организованных по советскому типу⁵³, а в середине этого же года он говорит уже о Союзе Советских Республик⁵⁴. Более четкое выражение эта идея получила в его письме к Л. Б. Каменеву для членов Политбюро ЦК РКП(б) в конце сентября 1922 г., т. е. за несколько месяцев до так называемого грузинского инцидента, с которым обычно связываются ленинские указания о создании Союзного государства. В этом письме Ленин отметил, что Сталин уже согласился сделать одну поправку в резолюции по данному вопросу: «...сказать вместо „вступления в РСФСР“ — „формальное объединение вместе с РСФСР в Союз Советских Республик Европы и Азии“». Оценивая данный шаг, В. И. Ленин тут же заметил: «Дух этой уступки, надеюсь, понятен: мы признаем себя равноправными с Украинской ССР и др.» и, разъясняя далее смысл этой уступки, он писал: «Важно, чтобы мы не давали пищи „независимцам“, не уничтожали их *независимости*, а создавали еще *новый этаж*, федерацию *равноправных* республик»⁵⁵. Эти положения получили дальнейшее развитие в хорошо известных ленинских записках «К вопросу о национальностях или об „автономизации“», написанных в самом конце 1922 г. В них Владимир Ильич, касаясь возможного возникновения необходимости дальнейших уступок «независимцам», писал, что не зарекается от того, чтобы «вернуться на следующем съезде Советов *назад*, т. е. оставить Союз Советских Социалистических республик лишь в отношении военном и дипломатическом»⁵⁶ (курсив мой. — Ю. Б.). Но, разумеется, не в подобных уступках Ленин усматривал главную перспективу развития советской федерации. Характеризуя в упомянутых записках практические меры, которые следует предпринять в создавшемся положении, он прежде всего подчеркнул необходимость «оставить и укрепить союз социалистических республик», заметив в данной связи, что «об этой мере не может быть сомнения»⁵⁷. В рассматриваемом контексте невольно обращает на себя внимание тот факт, что в обильном потоке опубликованных в последнее время статей, касающихся ленинских планов федерации, почему-то ни разу не упоминается общая позиция Владимира Ильича относительно перспектив ее развития. Между тем она выражена в его послереволюционных работах достаточно отчетливо. Еще в черновом наброске программы партии, опубликованном в 1918 г. к VII съезду РКП(б), Ленин охарактеризовал советскую федерацию как «переход к *сознательному* и более тесному единству трудящихся»⁵⁸. В самой же программе партии, принятой в 1919 г., было сказано в соответствии с ленинским предложением, что «федерация является переходной формой к полному единству трудящихся разных наций»⁵⁹.

Останавливаясь на всем этом, может быть, излишне подробно не только и не столько для того, чтобы еще раз отметить достаточно тривиальное (правда, в данной связи довольно редко реализуемое) требование конкретно-исторического подхода к ленинскому наследию, недопустимость абсолютизации тех или иных его положений, но и дабы подчеркнуть наметившуюся в последнее время определенную односторонность в трактовке послереволюционных ленинских работ по вопросу о создании федеративного государства. К тому же все сказанное выше достаточно наглядно свидетельствует, сколь рискованно механически переносить отдельные, притом вырванные из контекста положения этих работ⁶⁰, написанных в начале 20-х годов, на время, когда страна Советов прошла уже более чем 65-летний путь и когда коренным образом изменилась и внутренняя ситуация в ней и ее международное положение. Исторические процессы необратимы.

И вряд ли сегодня правомерно ссылками на Ленина пытаться обосновать представление, будто бы федерацию надо заново создавать, вновь заключать союзный договор. Уже десятилетия существует целостное союзное государство, и создание его ныне как бы заново — просто нонсенс.

Другое дело, выяснение того, насколько последовательно были реализованы при создании федерации и в ходе последующего национально-государственного строительства ленинские принципы национальной политики. В частности, представляется существенным обратить внимание на то, как реализовывалось основополагающее ленинское требование в национальном вопросе о том, что здесь «лучше пересолить в сторону уступчивости и мягкости к национальным меньшинствам, чем недосолить»⁶¹. В этой связи нельзя не отметить, что в Конституции СССР 1924 г., решающая роль в оформлении которой на заключительном этапе принадлежала Сталину, фактически остался неопределенным статус автономных образований. Будучи до этого основной национально-территориальной ячейкой в РСФСР, они с принятием Конституции 1924 г. фактически были превращены в единицы «второго уровня». Правда, Конституция 1924 г. предусматривала равное представительство союзных и автономных республик РСФСР в Совете Национальностей ЦИК СССР (на другие автономные республики это не распространялось), однако впоследствии и это равенство было упразднено. Не была реализована в Конституции 1924 г. и специальная рекомендация XII съезда партии о том, чтобы представительство национально-территориальных образований учитывало бы по возможности все национальности, входящие в состав этих образований.

Хотя в годы сталинизма и нации союзно-республиканского ранга немало пострадали, все же в целом их статусу в эти годы придавалась особая значимость по сравнению с другими категориями национальных общностей. В частности, выступая на словах противником ассимиляции, Сталин на деле проявлял явное стремление к «упрощению» национальной структуры страны, сопровождающееся негативным отношением к самому факту существования национальных групп. Весьма показательным в этой связи его утверждение в докладе о проекте Конституции СССР 1936 г., будто в стране существуют лишь 60 национальных общностей⁶² (между тем их и ныне по крайней мере в два раза больше). Не случайно именно к этому времени были ликвидированы такие формы национально-административного деления, как национальные районы и национальные сельские Советы. Проводилась линия на ликвидацию организаций, практически занимавшихся национальным вопросом. Эта тенденция стала проявляться сразу же после образования СССР, когда был ликвидирован Наркомнац. Правда, его функции отчасти перешли к Совету Национальностей ВЦИК, но после создания в 1936 г. Верховного Совета СССР этот орган, несмотря на сохранение в его составе Совета Национальностей, фактически перестал заниматься конкретными национальными проблемами.

Аналогичные явления происходили и в сфере науки: в 30-е годы было закрыто большинство учреждений, занимавшихся национальными (этнографическими) проблемами. В то же время введение паспортной системы с графой «национальность», применение многочисленных официальных анкет с этой графой облегчили осуществление национального неравенства, придавая в общественной практике неоправданную значимость фактору этнического происхождения граждан страны.

Многие проблемы современных межнациональных отношений порождены сложившимися еще в довоенные годы командно-административными, панцентристскими методами управления, сопровождающимися стремлением к унификации всего и вся, практически негативным отношением к любым проявлениям роста национального самосознания, особого внимания к национальной культуре. При этом такого рода тенденция нередко многократно усиливалась местной бюрократией, пытающейся превзойти в данном отношении центр, широко используя жупел «национализма».

До сих пор дают о себе знать последствия депортации как целых народов, так и их значительных частей в годы сталинизма, кампаний по борьбе с космополитизмом и т. п.

Идеология и психология застоя сопровождалась абсолютизацией достигнутых результатов в решении национального вопроса, утверждением представления о беспроблемности национальных отношений. Многие острые вопросы, встававшие в ходе национальных процессов, фактически игнорировались, не получая должного разрешения.

Процесс демократизации обострил все эти и многие другие деформации и проблемы в области национальной жизни, на которые в свою очередь проецируются трудности экономического характера, запущенность многих социокультурных вопросов, перекосы в кадровой политике и т. д. В то же время перестройка, устранив былые «сдерживающие факторы», преимущественно антидемократического характера, открыла клапаны для накопившейся напряженности в межнациональных отношениях, не успев, однако, создать механизмы, необходимые для гармоничного сочетания в новых условиях двух основных начал в сфере национальных процессов: как развития всех национальностей страны, обеспечения их подлинного равноправия, так и поступательного движения интегрирующей тенденции.

Поскольку первая из этих тенденций долгое время ущемлялась, данным обстоятельством незамедлили воспользоваться особо заинтересованные в ее развитии представители национальной общественности (писатели, научные работники и преподаватели историко-филологического профиля, а с другой стороны, местная бюрократия различных уровней и т. п.). При этом выступления со справедливыми лозунгами защиты национальной культуры и языка нередко сочетаются, а то и просто заслоняются требованиями получения или даже расширения привилегированного положения одних национальных групп в ущерб другим чуть ли не во всех сферах общественной жизни (от экономики до правовых вопросов). Все это оказывает соответствующее воздействие на наиболее эмоциональные и недостаточно устойчивые в своих социальных ориентациях группы (прежде всего молодежь). В результате происходит эскалация одного из наиболее опасных видов группового эгоизма — национального, паразитирующего на национальных чувствах людей, которые затрагивают самые глубинные слои социальной психологии и прежде всего ее эмоциональную сферу. Всем этим во многом и объясняются вспыхивающие то тут, то там в последние годы острые конфликты на национальной почве, нередко сопровождающиеся кровопролитием. Весьма актуально поэтому обращение М. С. Горбачева к лицам всех национальностей о необходимости осознать огромную опасность подобных явлений, его предупреждение о нарастающей опасности обострения межнациональных отношений⁶³.

В этих условиях особое значение приобретает задача снятия напряженности в сфере национальных отношений. Здесь важно, на мой взгляд, прежде всего последовательно обеспечить равноправие всех национальностей, в первую очередь тех, чьи права в прошлом были наиболее ущемлены. При этом, как подчеркнул М. С. Горбачев, следует искать ответы не в разрушении единства страны, а на путях решительного обновления федерации⁶⁴.

Ныне в условиях создания правового государства, думается, приобретает особое значение поиск путей, обеспечивающих реализацию всеми национальностями права на суверенитет, что немало способствовало бы превращению Союза ССР действительно в Союз национальностей (это шире, чем Союз народов), а не национальных государственных образований⁶⁵. Представляется, что одним из важных шагов в этом направлении могло бы стать возвращение к практике образования национальных районов и национальных сельских Советов, а в ряде случаев и национальных областей (не меняя, разумеется, при этом границ союзных республик). Нельзя не упомянуть в рассматриваемом контексте не раз выдвигавшиеся на Съезде народных депутатов Союза ССР предложения

о повышении статуса республиканских и областных автономий, по крайней мере подчинение их прямо союзным органам власти, т. е. непосредственное включение в Союз ССР⁶⁶. Нетрудно заметить, что речь пока шла о национальностях или их отдельных частях, расселенных компактно. С дисперсно расселенными национальностями, включая национальные группы, дело обстоит гораздо сложнее. В данном случае для реализации их суверенных прав, национального самоопределения, очевидно, следует использовать различные национально-культурные организации. Видимо, было бы преждевременно полностью сбрасывать со счетов и остро дискутируемый вопрос об использовании (по примеру некоторых социалистических стран) института культурно-национальной автономии, рассмотрев его не только в конкретно-историческом контексте, но и в прогностическом плане, имея в виду национально-этнические последствия.

Представляется вместе с тем очевидным, что многое в совершенствовании национальных отношений в стране будет зависеть, с одной стороны, от того, как решится вопрос о местном самоуправлении, с другой — от того, какая роль в экономической жизни будет отведена региональной межреспубликанской интеграции. К сожалению, в этих вопросах пока нет достаточной ясности.

В рассматриваемой связи неизбежно встает вопрос о выравнивании прав (прежде всего финансово-экономических) у отдельных краев и областей, входящих в состав союзных республик (например, Горьковской области, которая по численности населения и по своим производственным показателям не уступает не только большинству автономий, но и ряду союзных республик) и национальных образований.

Разумеется, подобное обновление федеративного устройства страны требует весьма тщательной подготовки и предварительной проработки учеными совместно с органами Советской власти соответствующего уровня различных вариантов преобразований, что особенно важно при создании новых национально-территориальных единиц (сельских, поселковых, районных, областных) внутри уже существующих образований союзного, республиканского и областного значения. Во всем этом недопустимы поспешность, необходим максимально взвешенный подход, архитектур.

Примечания

¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч. (далее — ПСС). Т. 15. С. 368.

² Имеется в виду, естественно, прежде всего групповой, а не личностный уровень этих отношений, хотя бы уже потому, что человек выделяется своими национальными свойствами лишь постольку, поскольку он принадлежит к определенной, обладающей аналогичными свойствами, группе, т. е. в данном случае первично групповое начало, а не личностное.

³ См.: Крюков М. В. Еще раз об исторических типах этнических общностей // Сов. этнография (далее — СЭ). 1986. № 3. С. 63—65; Тишков В. А. Народы и государство // Коммунист. 1989. № 1. С. 49—50.

⁴ См.: например: «Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный». СПб, 1814. Ч. III. С. 1175, 1257; Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / Сост. Н. Абрамов. Пг, 1915. С. 80—81. Впрочем, в обыденном русском языке слова «нация», «народ», «национальность» нередко до сих пор употребляются в качестве синонимов. См.: Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. М., 1969. С. 251.

⁵ См.: Калтахчян С. Т. Ленинизм о сущности нации и пути образования интернациональной общности людей. М., 1969. С. 89; Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 58—62.

⁶ Подробнее см.: Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества // Расы и народы. 2. М., 1972.

⁷ См.: Бромлей Ю. В. Указ. раб. С. 124.

⁸ К сожалению, ко всем этим достаточно хорошо известным большинству наших специалистов деталям приходится вновь возвращаться, поскольку до сих пор, как уже говорилось, одинаковая транскрипция (и общее происхождение) данного термина подчас делает весьма соблазнительным (особенно для специалистов, свободно владеющих английским языком) механически переносить значение этого термина из английского языка в русскоязычную обществоведческую литературу.

⁹ Об этом см. подробно, например: Козинг А. Нация в истории и современности. М., 1986. С. 36—66; Горовский Ф. Я., Римаренко Ю. И. Марксистско-ленинская теория нации и социалистическая практика. Киев, 1985. С. 7—29.

- ¹⁰ Это ни в коем случае не следует забывать, предлагая и в русскоязычной литературе использовать термин «нация» на англоязычный лад.
- ¹¹ Манчини П. О нации как основе права народа. 1851.
- ¹² Каутский К. Кишиневская резня и еврейский вопрос. 1903.
- ¹³ Kirchhoff A. Zur Verständigung über die Begriffe Nation und Nationalität. Halle a. S., 1905.
- S. 51.
- ¹⁴ См.: Ленин В. И. ПСС. Т. 1. С. 153—154; Т. 2. С. 207; Т. 8. С. 73; Т. 24. С. 129.
- ¹⁵ См.: Сталин И. В. Национальный вопрос и социал-демократия // Просвещение. 1913. № 3—5.
- ¹⁶ Показательно в этой связи замечание В. И. Ленина, что Сталин, подготавливая эту статью, собрал «все австрийские и прочие материалы» (Ленин В. И. ПСС. Т. 48. С. 162).
- ¹⁷ См.: например, Вопросы истории. 1966. № 4, 6, 12; 1967. № 1, 6, 7; 1970. № 8.
- ¹⁸ Ленин В. И. ПСС. Т. 1. С. 153—154.
- ¹⁹ Там же. Т. 30. С. 36.
- ²⁰ Кстати, было предложено разграничивать народности древнего мира и средневековья, обозначив первые термином «палеос», вторые «мезос» (см.: Бромлей Ю. В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М., 1987. С. 29—30).
- ²¹ См.: например: Сагбало А. А. Исторические типы общности людей. Л., 1959. С. 36. См. также: Бромлей Ю. В. Этносоциальные процессы... С. 23—30; его же. Национальные процессы в СССР: в поисках новых подходов. М., 1988. С. 49—53. Народности следует отличать от сравнительно малочисленных ЭСО, обладающих характерными для наций параметрами, которые предложено именовать «микронациями» (см.: Бромлей Ю. В., Пучков П. И. Этнические общности: их историко-типологическая и этнолингвистическая классификация // Природа. 1983. № 9).
- ²² См.: Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н. Указ. раб. С. 26.
- ²³ См.: Бромлей Ю. В. Этнические общности — сложные, многомерные системы // Расы и народы. М., 1988. С. 18, 33.
- ²⁴ См.: Горбачев М. С. Об основных направлениях внутренней и внешней политики СССР // Известия. 1989. 31 мая; Национальная политика партии в современных условиях (платформа КПСС. Проект) // Правда. 1989. 17 августа.
- ²⁵ См.: Тишков В. А. О новых подходах в теории и практике межнациональных отношений // СЭ. 1989. № 5. С. 7.
- ²⁶ Видимо, автор рассматриваемого тезиса весьма односторонне знаком с историей той области научных знаний, ведущий журнал по которой он возглавляет. Хотя, действительно, термины «этнография» («этнология») и «антропология» изначально были синонимами, однако со временем сложились далеко не идентичные традиции их трактовки в различных регионах мира. Поскольку подобная односторонность встречается и у отдельных отечественных специалистов, автор этих строк считал недавно необходимым специально проанализировать основные исторические вехи на пути такого рода дивергенции (См.: Бромлей Ю. В. К вопросу о неоднозначности исторических традиций этнографической науки // СЭ. 1988. № 4).
- ²⁷ Одну из последних дискуссий по этой проблеме см.: СЭ. 1986. № 3, 4, 5.
- ²⁸ Соответственно первичными являются объективные свойства этноса, а их осознание вторичным. Не случайно, например, литовец никогда не назовет себя китайцем, грузин — мексиканцем (и наоборот). Ведь никто из этих пар не обладает объективными свойствами для того, чтобы отнести себя к иному этносу, чем тот, к которому они себя традиционно причисляют, учитывая те или иные его характерные черты. Поэтому представляется излишней тревога по поводу того, что самосознание среди признаков этноса обычно стоит на последнем месте (См.: Тишков В. А. О новых подходах... С. 8). Вместе с тем даже приведенных примеров достаточно для того, чтобы не считать объективную реальность этнических общностей неким мифом (см. там же), что отнюдь не исключает огромную будирующую роль в функционировании этноса (особенно в переломные периоды истории) этнического самосознания, его «обратного» воздействия на всю активность этнических общностей.
- ²⁹ Широкогоров С. М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Шанхай, 1923. С. 22. и др.
- ³⁰ Гумилев Л. Н. О термине «этнос» // Докл. Географического о-ва СССР. Л., 1967. Вып. 3. С. 14—15.
- ³¹ Его же. Биография научной теории или автонекролог // Знамя. 1988. № 4. С. 212.
- ³² Его же. Человечность превыше всего // Известия. 1989. 23 июня.
- ³³ См., например: Его же. Корни нашего родства // Известия. 1988. 12 апр.
- ³⁴ Его же. Биография научной теории... С. 212.
- ³⁵ Итс Р. Ф. Несколько слов о книге Л. Н. Гумилева «Этногенез и биосфера земли» // Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. Л., 1989. С. 7.
- ³⁶ Гумилев Л. Н. Биография научной теории... С. 214.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Подробнее см.: Бромлей Ю. В. По поводу одного «Автонекролога» // Знамя. 1988. № 12. С. 229—230.
- ³⁹ См.: Вопросы философии. 1988. № 5. С. 159.
- ⁴⁰ Там же. С. 160.
- ⁴¹ Вернадский В. И. Химическое строение земли и ее окружения. М., 1965. С. 267.
- ⁴² Подобного рода ссылки на В. И. Вернадского особенно обильны в книге Л. Н. Гумилева «Этногенез и биосфера земли», где их насчитывается до 20 (на втором месте после ссылок на собственные работы, которых свыше 50).
- ⁴³ Вопросы философии. 1989. № 5. С. 158, прим. 5.

- ⁴⁴ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. С. 317.
- ⁴⁵ Гусейнов Г. Ч., Драгунский Д. В. Национальный вопрос: попытка ответа // Вопр. философии. 1986. № 6. С. 46.
- ⁴⁶ О различии между собственно этническими общностями (этникосами) и этносоциальными (ЭСО) см., например: Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1982. С. 57—81. Такое отграничение этнических общностей (соответственно национальностей) от этносоциальных (соответственно наций) не дает оснований полагать, что, «скажем, деятели армянской или грузинской культуры, живущие в Москве...», согласно логике наших дефиниций, не принадлежат к собственным этническим общностям» (Тишков В. А. О новых подходах... С. 8).
- ⁴⁷ См.: Национальные процессы в СССР: итоги, тенденции, проблемы. Беседа за «круглым столом» // История СССР. 1987. № 6. С. 83 (выступление С. И. Брука).
- ⁴⁸ См.: Бромлей Ю. В. Октябрь и развитие национальных отношений в СССР. М., 1987. С. 62—63.
- ⁴⁹ Ленин В. И. ПСС. Т. 24. С. 144 (см. также Т. 26. С. 109; Т. 48. С. 147).
- ⁵⁰ Подробнее об этом см.: Азизян А. К. Ленинская национальная политика в развитии и действии. М., 1972. С. 195—197.
- ⁵¹ Ленин В. И. ПСС. Т. 35. С. 221.
- ⁵² Первая Советская конституция: Сборник документов (Конституция РСФСР 1918 г.). М., 1938. С. 425—426.
- ⁵³ См.: Ленин В. И. ПСС. Т. 38. С. 159.
- ⁵⁴ См.: Там же. Т. 40. С. 100.
- ⁵⁵ Там же. Т. 45. С. 211—212.
- ⁵⁶ Там же. Т. 45. С. 361—362.
- ⁵⁷ Там же. Т. 45. С. 360.
- ⁵⁸ Там же. Т. 36. С. 73.
- ⁵⁹ Там же. Т. 41. С. 164.
- ⁶⁰ Например, предположение о том, что возможно «вернуться на следующем съезде Советов назад», т. е. лишь к военному и дипломатическому союзу советских республик.
- ⁶¹ Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 360.
- ⁶² См.: Сталин И. В. Вопросы ленинизма. Изд. 11. М., 1945. С. 513.
- ⁶³ Выступление Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Верховного Совета СССР М. С. Горбачева по ЦТ // Правда, 1989. 2 июля.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ Нельзя не согласиться в этой связи с мнением, что «выдвижение в качестве приоритета расширения прав союзных республик... не гармонизирует межнациональные отношения». — Народ, нация, государственность... Беседа с В. А. Тишковым // Советская культура. 1989. 1 июля.
- ⁶⁶ См. Калтахчян С. Размышления о некоторых проблемах теории национальных отношений // Политическое образование. 1989. № 9. С. 26.

Ч. М. Таксами

ГУМАНИТАРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СЕВЕРА

В нашей стране районы Севера занимают площадь около 11 млн. км², что равняется половине территории страны. На 1 января 1983 г. здесь проживало 8,4 млн. человек¹. Лишь около 158 тыс. из них являются коренными жителями Севера. Численность старожильского населения также незначительна. Абсолютное большинство на Севере составляет нестабильное население, формирующееся в основном вместе с развитием добывающей промышленности. В такой ситуации проблема сохранения и развития коренных народов и их культуры приобретает особую остроту. По-прежнему актуальным как в научном, так и в практическом отношении остается изучение этнических традиций народов Севера, игравших важную роль в их жизнедеятельности в суровых природно-климатических условиях. Правильная оценка их может способствовать прежде всего сохранению ценных элементов традиционной культуры и их использованию в практической деятельности. Проблема совмещения старого и прогрессивного нового чрезвычайно актуальна. Важно, приобщаясь к новому, не утратить народные традиции и гуманистические черты, свойственные коренному населению.